

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.2)
EDN [SCLRPD](https://www.edn.ru/SCLRPD)
УДК 323.2

А. А. Голосеева¹, А. А. Хохлов²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия

В ЛАБИРИНТЕ ИДЕЙНЫХ ПОИСКОВ: СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПАМЯТИ О НЕУДОБНОМ ПРОШЛОМ (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме конструирования коллективной памяти о неудобном прошлом современными элитами России на примере событий революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны. Рассмотрены конфликтные аспекты коммеморации (установка памятников и мемориальных знаков) в процессе конструирования официального исторического нарратива. Прослеживаются изменения в официальном историческом нарративе в отношении трудного прошлого в разные периоды времени.

Сохранение исторической памяти во многом зависит от политических задач актуальной государственной власти, которая не только поддерживает коллективную память с помощью различных коммеморативных практик, но и конструирует современный исторический нарратив. Этот нарратив не предполагает реставрации советской историографии; он совмещает самые разные интерпретации событий революции и Гражданской войны в контексте выстраивания исторического континуитета российской государственности. Поэтому образы некоторых советских деятелей соседствуют с фигурами их противников, формируя у массовой аудитории представления о патриотическом служении государству российскому, невзирая на идеологические и политические взгляды.

Утраченная память не восстанавливается; нынешние поколения россиян не восприняли политический опыт сторонников демократического социализма, которые отвергли большевизм и не поддержали белое движение в Гражданской войне. Отношение к проигравшим в борьбе с большевиками сегодня – негативно, как к слабым и неспособным политикам. Рассматривая историческую память как составную часть коллективной памяти, делается вывод о том, что в структуру коллективного сознания интегрируются только те события прошлого, которые воспринимаются обществом как чрезвычайно полезные для современных поколений. Кроме того, инерция общественного сознания влияет на отбор событийного материала. По этой причине за весь постсоветский период не удалось полностью заместить прежние советские идеологические штампы и клише новым историческим нарративом.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, исторический нарратив, революция 1917 г., Гражданская война, войны памяти, коммеморация, мемориальная политика

Для цитирования: Голосеева А. А., Хохлов А. А. В лабиринте идейных поисков: способы конструирования памяти о неудобном прошлом (на примере событий революции 1917 г. и Гражданской войны) // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 26–41. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.2). EDN [SCLRPD](https://www.edn.ru/SCLRPD).

Теоретико-методологические подходы к работе с прошлым. В современном мире активно развивается относительно новая отрасль социо-гуманитарно-

го знания — *memory studies*. В нашей стране данное направление исследований стало формироваться только в 90-е годы, преимущественно в среде историков. Однако сегодня можно с уверенностью констатировать, что изучение памяти требует участия специалистов самых разных отраслей гуманитарных наук, в том числе, социологов и политологов. События прошлого постоянно переосмысливаются новыми поколениями и оказывают влияние на коллективное сознание.

Например, споры и дискуссии о революции, Гражданской войне и Большом терроре ведутся в контексте современных политических реалий. В значительной степени разговоры о прошлом отражают противоречия в российском обществе XXI века в условиях «постправды» и постмодернистской неопределённости.

Социологический взгляд на данный феномен заключается в исследовании современных интерпретаций исторических событий и особенностей их актуализации в общественном сознании. Исследователи разделяют память «индивидуальную» и «коллективную». Индивидуальная память субъективна и не отражает весь масштаб исторического события. В воспоминаниях очевидцев и современников факты не просто искажаются, но и эмоционально окрашиваются. Фактически все события минувших дней препарируются сознанием современного человека и в большей степени содержат его оценки и отношение к актуальным событиям настоящего, но через призму истории. Можно предположить, что аутентичность воспоминаний на уровне индивидов не является безусловным фактором, определяющим выбор той или иной версии события большими группами.

В коллективной памяти сохраняются только те события, которые имеют значение для актуальной общественно-политической повестки. К тому же новые поколения и сами вносят существенные изменения в интерпретацию прошедших исторических событий.

Работа с прошлым является предметом научного интереса многих крупных учёных, причём каждый исследователь, работая в русле собственных теорий, стремился понять механизмы функционирования общественного сознания. Так, М. Хальбвакс задолго до современных учёных интересовался вопросом о природе коллективной памяти Нового времени [1]. Методологические подходы к изучению коллективной памяти разрабатывали социологи Дж. Олик [2; 3], И. Ирвин-Зарецка [4], Я. Ассман [5] и А. Ассман [6; 7; 8]. Среди работ российских исследователей интерес представляют коллективные монографии, посвящённые как исторической политике [9], так и политике памяти [10; 11].

Коллективная память трактуется исследователями по-разному. Джеффри Олик предлагает определять «коллективную память» как синтез «коллективных представлений (публично доступных символов, смыслов, нарративов и ритуалов), социальных рамок... и культурно и социально обусловленных индивидуальных воспоминаний» [3, с. 43]. Присутствует и более широкая интерпретация коллективной памяти как совокупности «общезначимых представлений и оценок об историческом прошлом сообщества и их репрезентаций в различных контекстах, можно рассматривать как объективно необходимый компонент общественных отношений» [12, с. 50].

Одна из признанных экспертов в области *memory studies*, социальный антрополог и социолог Алейда Ассман предложила заменить простую дихотомию индивидуальной и коллективной памяти на «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы,

а также по её неустойчивости или стабильности: память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и, наконец, памяти культуры» [6, с. 19]. Соответственно, понятие коллективной памяти включает в себя память «политическую» и «национальную» [6, с. 38] и, по сути, тождественно понятию «историческая память». Тут необходимо подчеркнуть, что в рамках *memory studies* собственно «память» и «история» являются разными концептами, поскольку в каждом историческом отрезке времени могут сосуществовать совершенно разные «памяти», сохраняемые представителями различных сообществ, организаций и социальных групп. Утвердившийся в отечественном общественно-политическом дискурсе термин «историческая память» мы будем использовать как синоним понятия «коллективная память».

К проблеме переработки в коллективной памяти культурной травмы обращались культур-социологи Дж. Александер [13], Р. Айерман [14], Б. Гизен [15] и др. При попытке справиться с особенно травматичными событиями, по мнению А. Ассман, «забвение является конститутивным элементом как индивидуальной, так и коллективной памяти» [6, с. 34], для этого эффективно применяются различные стратегий вытеснения [6, с. 182–190].

Поскольку человек живёт в контексте конкретной эпохи, то его восприятие прошлого обусловлено влиянием культурной среды и коллективных представлений, характерных для данного исторического момента. Следовательно, коллективная память должна коррелировать с историческим сознанием, которое Юрий Левада определил как «всё многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознаёт своё прошлое» [16, с. 191]. Историческое сознание определяется «духом времени», то есть ценностями, идеалами и политическими конструктами актуального настоящего. Безусловно, историческое сознание включает в себя множество воспоминаний и даже мемориальных политик, поскольку проецирует опыт прошлого на сегодняшний день и на день завтрашний, конструируя, тем самым, образ будущего.

Коллективная память не монолитна и не линейна. Примером избирательности коллективной памяти является полярность в оценках трагических страниц русской истории XX века, связанных с ГУЛАГом и массовыми политическими репрессиями. Несмотря на обилие опубликованных в эпоху перестройки и 90-е годы источников и свидетельств преступлений коммунистического режима, общая картина отношения к прошлому в нынешней России мало изменилось; идеологическое «противостояние» обнаруживается разве что в социальных сетях между представителями активных политических сообществ, которые замкнуты в собственных информационных пузырях и не оказывают существенного влияния на общественное мнение. Вероятно, всё, что служит помехой для формирования непротиворечивой картины прошлого, отмечается коллективным сознанием большинства. Устойчивый и позитивный миф о героическом прошлом необходим новым поколениям россиян для укрепления своей социальной и национальной идентичности. Травмирующие воспоминания предков воспринимаются как угроза целостности этой коллективной идентичности. В результате переосмысления прошлого давние конфликты и трагедии отдельных индивидов и целых социальных групп нивелируются под давлением актуальных проблем современного общества. Тогда прошлое и становится ресурсом для конструирования образа будущего, чем занимаются политические элиты.

В данной статье мы не ставим задачу рассмотреть механизмы функционирования коллективной памяти о драматических событиях российской истории.

Нас больше интересуют способы конструирования памяти о неудобном прошлом (на примере событий революции 1917 года и последующей за ней Гражданской войны) современными элитами Российской Федерации. Поэтому концепт «коллективная память» мы используем в Марксовом смысле, как «идеологию», которую конструирует власть, решая актуальные политические задачи. Представляет интерес и проблема выбора элитой политических идей 1917–1945 гг., которые могли бы послужить источником современных интерпретаций исторического пути России. Мы предприняли попытку раскрыть некоторые причины, которые, по нашему мнению, препятствуют реинтеграции в конструируемую сегодня коллективную память небольшевистских и антисоветских концепций образа России. В качестве примеров возможной символической репрезентации прошлого были отобраны идеи и события, связанные с лево-демократическими и право-консервативными альтернативами советскому проекту.

Конфликтное поле исторической памяти и его политические субъекты.

Очевидно, что политические элиты стремятся конструировать историческую память в собственных интересах. Так формируется государственный миф о прошлом народа и страны. Собственно, мифологизация истории является важным элементом политики памяти, осуществляемой с помощью политической пропаганды и культуры: кино, патриотические мероприятия, мемориальные практики. Как известно, в 2009 г. была создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Хотя данная комиссия была упразднена в 2012 г., её положения стали руководством к действию государственных органов. Активное вмешательство государства в сферу научных исторических исследований способствует политизации и академического дискурса.

Всё чаще появляются тексты, в которых одни авторы ведут борьбу с негативным и злонамеренным влиянием «коллективного Запада», стремящегося лишить нас исторической памяти [17], другие пытаются представить российскую историческую память исключительно как продукт политических манипуляций со стороны власти [18].

В результате публикации о конфликтном прошлом в Российской Федерации представляют собой сплошную «фронтную зону», где современные политические сообщества воюют между собой за возможность реформативирования исторического дискурса под собственный интерес. Не последнюю роль в конструировании «альтернативной реальности» играют СМИ. В этом же контексте можно рассматривать медийные всплески и угасания сообщений о роли западных союзников в период Второй мировой войны, предложения убрать из школьной программы произведения А. И. Солженицына и т.п. Битва за прошлое не прекращается никогда; она только усиливается по мере ослабления «живой» памяти, в результате ухода поколений очевидцев и участников исторических событий.

Следует отметить тот факт, что в разных странах политические элиты используют примерно одинаковые инструменты для осуществления контроля над коллективной памятью. В Польше и на Украине функционируют Институты национальной памяти. Эти общественные институты переняли опыт чешских политиков, которые ещё в 1991 г. приступили к массовым люстрациям коммунистических функционеров в рамках политики декоммунизации. Чешский Институт национальной памяти проверял биографии соотечественников, занимав-

ших руководящие посты в государственных учреждениях Чехословакии, и выдавал справки о праве этих граждан претендовать на должности начальников в новом административном аппарате и в бизнесе. Польский институт памяти проводит последовательную десовветизацию культурного и общественного пространства страны. Аналогичную позицию занимает руководство украинского Института национальной памяти, отстаивая идею борьбы украинцев против «колониальной политики России» [19]. В целом, мы наблюдаем образец типичной виктимизации национальной идентичности украинцев, поляков и чехов в деятельности подобных общественных мемориально-политических организаций [20]. Подобная виктимизация памяти рассматривается политиками как ресурс национальной консолидации. Образ «жертвы» является эффективным инструментом в руках современных восточноевропейских элит, формирующих актуальный политический нарратив в странах региона. Сторона «обвинения» в свою очередь, защищаясь от нападков и претензий соседей, с энтузиазмом разгоняет ресантимент в российском обществе. В результате такой конъюнктурной политики процесс проработки «трудного прошлого» и залечивание «исторических травм» идёт очень медленно и болезненно.

В Российской Федерации в формировании государственной интерпретации истории страны в XX веке активно участвует Военно-историческое общество (ВОИ), созданное в 2012 г. по распоряжению В. В. Путина и по инициативе бывшего министра культуры В. Р. Мединского. За время своего существования Военно-историческое общество активно участвовало в процессе коммеморации: устанавливало памятники и мемориальные таблички историческим персонажам, включённым в официальные государственные пантеоны героев, проводило научно-практические конференции, организовывало музеи и выставки, посвящённые военно-патриотической тематике, таким образом, актуализируя значимые культурно-исторические символы. Таким образом, ВОИ в тесном контакте с государственными структурами активно работает с историческими символами, встроенными в официальный политический дискурс.

Символы играют значимую роль в формировании национального самосознания, становясь этическими императивами для членов различных социальных групп и сообществ. «Образ того или иного события прежде всего воплощает в себе символ, героизирующий неких персонажей и событие. Символ становится некой схематизированной идеей», констатирует О. Дмитриева [21, с. 133]. Не случайно в нынешних спорах на исторические темы почти всегда речь заходит о символах, которые участники дискуссий стремятся девальвировать или, наоборот, чрезмерно идеализируют.

Коммеморативные практики в борьбе исторических нарративов. Коммеморативные технологии, которые использует государственная власть для мобилизации коллективной памяти о важных в политическом смысле событиях, имеют больше значение. Как пишет А. Ассман, коммеморация — это организованное воспоминание, которое закрепляется в коллективной памяти посредством годовщин. Ритуалы и символы делают воспоминания надёжными [6, с. 252]. Здесь большую роль играют функции партиципации событий истории и пригодность этих событий для усиления политического нарратива власти. При этом, если предпринимаются политические действия, направленные на переработку прошлого, то нет необходимости даже в долговременных институциях. Достаточно простого политического решения.

Тем не менее, практика показывает, что только «надёжные» воспоминания трансформируются в памятные даты, а «ненадёжные» вытесняются из коллективной памяти. Например, взятие Берлина советскими войсками в мае 1945 г. стало всенародным праздником, а День народного единства 4 ноября — нет, несмотря на все усилия власти провести рекоммеморацию переломного момента в прекращении Смуты в Московском царстве в XVII веке. Почему так происходит? Мы полагаем, что функций интерактивности и партиципации недостаточно для встраивания календарного события в общенациональный мифологический нарратив. Об этом пишет и А. Ассман, полагая, что событие должно подпадать под определённые архетипические парадигмы, чтобы стать частью настоящего [6, с. 253].

Ещё один конфликтный аспект коммеморации — установка памятников и мемориальных знаков. Вспомним, что российско-украинский конфликт начинался с разрушения памятников Ленину в украинских городах (так называемый «Ленинопад»), а сейчас мы видим, как уничтожают не только монументы советского периода, но и культурные символы исторического присутствия России на украинской земле. Меняется и современная топонимика. Причём переименованиями населённых пунктов и улиц активно занимаются все стороны военно-политического конфликта.

В последние годы в России отдельные группы энтузиастов и реконструкторов исторических событий неоднократно пытались вернуть в официальный пантеон героев лидеров белого движения. В частности, предпринимались попытки установить мемориальные знаки в память об адмирале Колчаке и полковнике Каппеле, однако они неоднократно демонтировались по требованию активистов КПРФ. В Петербурге несколько раз снимали памятную табличку с именем генерала Карла Маннергейма. Отдельные обращения граждан в профильные учреждения с предложением о реабилитации А. В. Колчака также встречали резкий отпор со стороны прокоммунистических сообществ.

В Ростовской области местный предприниматель и краевед создал музей и поставил на частной территории в станице Еланская памятник атаману Кубанского казачества, генералу Белой армии Петру Краснову. Коммунисты и ряд патриотических общественных организаций региона выразили возмущение реабилитацией «коллаборанта». Факт сотрудничества части белого казачества с Вермахтом во время Второй мировой войны стал поводом для эскалации войны памяти в социальных сетях. Как известно, общество «Мемориал»* было обвинено в реабилитации нацистских преступников и закрыто решением суда. Совсем недавно вспыхнул конфликт вокруг бюста генерала Врангеля на территории Второго Донского Императора Николая II кадетского корпуса в Ростове. Второй Донской кадетский корпус был учреждён в Крыму в 1920 г. по приказу барона П. Н. Врангеля, и в память о том событии Просветительское общество имени Александра III решило поставить памятник. Несмотря на то, что в числе инициаторов увековечения памяти белого генерала Врангеля значится казачья бригада «Дон», участвующая в СВО, активисты КПРФ решили добиваться демонтажа бюста, объявив факт его появления в Ростове идеологической диверсией. В результате протестов памятник убрали с территории кадетского корпуса.

* Общество «Мемориал» внесено Минюстом в список НКО, выполняющих функцию иностранного агента, позднее ликвидировано по решению Верховного суда.

Ещё один характерный пример мнемонических войн — скандалы, связанные с попытками установки памятников «белочехам» — легионерам Чехословацкого корпуса, национального добровольческого соединения в составе Русской армии, сформированного в годы Первой мировой войны. Прежде всего, стоит заметить, что закрепившийся в советские времена термин «белочехи», маркирующий их как представителей белого движения — не верный. Как известно, чешские легионеры поддержали Февральскую революцию, но не большевистский переворот и в 1918 г. присоединились к демократическим антибольшевистским правительствам Поволжья и Сибири (например, воевали в составе Народной армии Комуча под красными знамёнами), однако после захвата власти Колчаком в Омске всякое сотрудничество с ним прекратили и даже сыграли определённую роль в поражении белого движения в Сибири.

В ряде городов России памятники чешским легионерам все же были установлены. Самый первый памятник появился в Бузулуке, затем в Владивостоке, Екатеринбурге, Красноярске, Кутлуке. В 2012 г. памятник появился в Кунгуре, затем в Пензе, Пугачёве, Верхнем Услоне.

В 2015 г. памятник Павшим чехословацким легионерам также установили в Сызрани. Вначале была идея установить его на привокзальной площади, однако некоторые члены ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» выступили категорически против, и, в результате, памятник установили на старом кладбище в районе кирпичного завода.

Попытки установить памятник чешским легионерам в Самаре (столице Комуча) предпринимались с 2008 г., монумент был изготовлен на средства чешского Минобороны. Но когда в конце 2015 г. начались работы по его установке, в городе стали проходить акции протеста. Характерен комментарий С. Дороховой, второго секретаря Самарского горкома КПРФ: «Мы категорически против героизации памяти интервентов. В Самаре и Самарской области места такому памятнику нет. Кроме моральных факторов (белочехи убивали мирных граждан), существует также юридический аспект — у нас нет захоронений чехов. Следовательно, и установка памятников на самарской земле — излишнее действие»¹. Подготовленные для постамента плиты были повреждены неизвестными и установку отложили. Вопрос не решён до сих пор².

Установленный в 2011 г. памятник чехословацким легионерам в Челябинске, который является братской могилой 262 воинов-легионеров, был осквернён, что послужило поводом для протеста посольства Чехии³. Таким образом, мы видим, что актуальное состояние данного конфликта не объясняется исключительно резко обострившимися отношениями между Прагой и Москвой — конфликт начался задолго до нынешнего политического кризиса.

Можно сделать вывод о том, что мемориальная политика, даже если речь идёт лишь о памятниках, остаётся чрезвычайно конфликтной и сложной для достижения общенационального консенсуса в отношении исторических собы-

¹ Федоров М. В Самаре началась установка памятника белочехам // Другой город. 19.09.2017. URL: <https://drugoiгород.ru/beloczehi-pamyatnik-19-09-17> (дата обращения: 25.03.2024).

² Это компетенция мэрии: Кудряшов ответил на вопрос о земле под памятник белочехам // 63RU. Самара онлайн. 13.06.2023. URL: <https://63.ru/text/politics/2023/06/13/72393077/> (дата обращения: 25.03.2024).

³ Чехи возмущены осквернением памятника чехословацким легионерам в России // Репортер. 15.05.2020. URL: <https://topcor.ru/14658-chehi-vozmuscheny-oskverneniem-pamyatnika-chehoslovackim-legioneram-v-rossii.html> (дата обращения: 25.03.2024).

тий. Попытки решить актуальные политические противоречия с помощью сакрализации и десакрализации символов прошлого продолжают, несмотря на заверения политиков о недопустимости войны с памятниками. Подтверждением данного вывода является демонтаж символов советского идеологического наследия в государствах бывшего Варшавского договора и СНГ. Или свежий пример скандала вокруг «исчезновения» на Левашовском кладбище в Петербурге памятника полякам — жертвам политических репрессий⁴.

Этапы конструирования официального исторического нарратива о событиях революции 1917 г. и Гражданской войны. Если анализировать историческую память как структурный элемент государственной исторической политики, то встаёт вопрос о том, почему одни события включаются в государственный ритуал, а другие нет? Дело не только в прагматически обусловленных решениях действующей власти, но и в необходимости превращения конкретного события в устойчивый нарратив, в котором прошлое совмещено с настоящим.

Историческая память репрезентируется в различных формах, но нас интересуют только те, которые позволяют воспроизводить устойчивый национальный миф, в котором многое переосмыслено, какая-то часть событий забыта, а другие факты заново переписаны. Интересно проследить связь между актуальными политическими мифами и политикой формирования исторической памяти на примере отражения в коллективной памяти событий вокруг Октябрьского переворота и Гражданской войны.

Если относительно событий Великой отечественной войны у граждан России обнаруживается определённое согласие, то проблематика Гражданской войны 1918–21 гг. и отношение к политическим силам того времени, представлявшим антибольшевистскую позицию, вызывает противоречивые реакции в различных социальных группах современной России. По мнению политологов, «Для постсоциалистического российского общества характерна противоречивая, рассогласованная память о Гражданской войне» [22, с. 111]. Ослабление «живой» памяти о революции и последовавшей за ней Гражданской войне и целенаправленная политика советской власти по реинтерпретации истории в интересах КПСС, не полностью вытеснили из общественного дискурса тему идейной альтернативы советскому историческому мейнстриму.

Как известно, в СССР идеологическая политика подчинила своим стратегическим интересам историческую науку и была сосредоточена на героизации большевиков и демонизации их политических противников. Уже в 20-е годы, созданная новой властью Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) с филиалами по всей стране начала активную работу по сбору документов по истории революционного движения и увековечиванию памяти героев революции [23]. Создавались музеи, огромными тиражами выпускались пропагандистские материалы, в школах детей воспитывали как борцов за дело коммунизма. Новые поколения профессиональных историков-марксистов — И. И. Минц, М. В. Нечкина, Э. Б. Генкина, Н. Л. Рубинштейн и др. — формировали государственный нарратив Советской власти, в котором война с врагами большевиков была одной из главных тем. Выдающиеся кинематографисты — Дзига Вертов, Михаил Ромм, Сергей Эй-

⁴ Памятник полякам на Левашовском кладбище в Петербурге отправили на реставрацию // ТАСС. 23.07.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18342959> (дата обращения: 25.03.2024).

женштейн конструировали альтернативную реальность [24], предвосхитив появление жанра мокьюментари и политики переписывания истории. В кинематографе, помимо «демонизации», была создана ещё одна модель интерпретации новейшей истории, где враги революции представляли в крайне карикатурном виде.

Помимо усилий Советской власти окарикатурить образы политических соперников, создавался особый, упрощённый исторический дискурс, в котором не было места для тонких идеологических дискуссий и использовались чёткие оппозиции: «пролетариат — буржуи», «белые — красные». Как справедливо отмечал А. В. Баранов, «историческая политика всегда пропитана идеологией, она политизирует историю и оценивает её в системе дуальных оппозиций: «добро — зло», «наши — враги», «победа — поражение» [22, с. 110].

Что же касается политических сил, идейно близких большевикам, но представлявших демократическую альтернативу — меньшевики, эсеры и т.п., то они плохо вписывались в стройную и просто объяснимую картину торжества коммунистической идеи, как и концепты «демократического социализма», «многопартийности», «свободных выборов», «всенародно избранного Учредительного собрания» и т.д. Представители вышеупомянутых политических сил в советской массовой культуре обходились стороной или вообще замалчивались. Как пишет историк А. Ю. Сулов: «Важным фактором фиксации в общественном сознании образов социалистов можно считать фильм «Ленин в 1918 году» (1939 г., режиссёр М. Ромм; Сталинская премия 1941 г.), где Фанни Каплан в исполнении актрисы Н. Г. Ефрон запечатлелась в сознании миллионов советских граждан как эсерка, стрелявшая в вождя» [23, с. 16]. Другие образы эсеров найти довольно сложно, если они и есть, то крайне схематичны и в рамках той же схемы: жалкие, но опасные враги. Так, забавно размахивая руками, удаляется с трибуны Учредительного собрания посрамлённый В. Чернов после знаменитых слов матроса Железняка «Караул устал» (фильм «Выборгская сторона», 1938 г.). Ещё один редкий пример — эсер, появляющийся в третьей серии фильма «Рождённая революцией» (1974–75 гг.), способствовавший побегу из тюрьмы убийцы-уголовника, на основании того, что большевики «допустили НЭП» и «предали революцию», а уголовник «борется против вас [большеви-ков] по-своему».

Таким образом, через образы массовой культуры советская власть сформировала в общественном сознании устойчивые стереотипы и мифологемы о драматических событиях российской истории первой половины XX века.

Нынешний государственно-исторический нарратив формировался в течение нескольких десятилетий после распада СССР. На первых этапах формирования этого нарратива был сделан акцент на реинтеграцию в коллективную память «забытых» советской исторической наукой имён, так как перед новыми политическими элитами встала задача не допустить реванша старой советской номенклатуры. Поэтому много внимания в политике памяти уделялось несоветским периодам истории России.

После 1991 года в информационном поле появились и герои белого движения, анархисты, социалисты-революционеры и прочие представители альтернативных коммунистам политических партий и объединений. В немалой степени усложнению исторической памяти способствовали публикация архивных материалов и романтизация образа царской семьи в отечественном кино и массовой литературе.

Наряду с советской традицией героизации большевиков появилась альтернативная тенденция идеализации белого движения и сакрализации царской семьи. В обществе стало формироваться представление о Гражданской войне как о национальной трагедии, которая никогда не должна повториться.

Несмотря на то, что в период перестройки и после широкая аудитория получила доступ к мемуарной литературе и к исследованиям, в которых был представлен более объективный взгляд на нашу историю XX века, переломить устойчивые в общественном сознании шаблоны и клише прошлых лет оказалось невозможно.

Новая демократическая власть в России заняла нейтральную позицию, стараясь не вмешиваться в академические дискуссии и общественные споры. Но уже в «нулевые» годы власть всё более склонялась к советской историографической традиции. Антисоветская интерпретация исторической памяти стала подвергаться сознательной деформации современной политической элитой, которая видит в противниках большевизма слабых политиков, не удержавших страну от развала. В общественное сознание внедряется образ политических неудачников, на который накладывается интерпретированный в негативном ключе имидж президента СССР Михаила Горбачёва.

В десятые годы XXI века мы продолжаем наблюдать, как власти комплектуют текущую политическую повестку символами и образами советской эпохи. Следует подчеркнуть, что постсоветские элиты не демонстрируют намерения реставрировать советское наследие. Речь о создании абсолютно нового, гибридного нарратива, отвечающего задачам нынешней власти.

Современный официальный политический нарратив совмещает совершенно противоположные исторические концепты. В нём органично сосуществуют такие исторические фигуры, как Александр III, Серафим Саровский и Иосиф Сталин. Наши современники не видят противоречия в соседстве портретов православного императора Николая II и диктатора атеиста Сталина. Это подтверждают и опросы общественного мнения, по результатам которых количество респондентов, положительно оценивших последнего российского императора и его «убийцу» В. И. Ленина, оказалось практически одинаковым: Николай II — 53%, Ленин — 52%⁵. Эта постмодернистская логика при внимательном изучении обнаруживает вполне рациональные основания.

Довольно рыхлое в социально-политическом отношении пространство Российской Федерации власти хотят скрепить концептами единой и непрерывной истории государства, державности и цивилизационной самобытности России. Иными словами, историческая память остаётся инструментом в борьбе за утверждение в коллективном сознании важных для правящих элит интерпретаций событий прошлого. В этом идеологическом концепте советский период является лишь одной из форм политического развития государства, а не разрывом с исторической Россией. На укрепление в общественном сознании такого образа новейшей истории страны направлены и усилия политики памяти.

Символическая политика в России сегодня почти не включает в себя мобилизацию памяти о революции и Гражданской войне, поскольку актуальный политический нарратив нацелен на формирование в массовых аудиториях представления о великой истории государства, которое всегда побеждало врагов,

⁵ 1917–2017. Память о революции : Инфографика // ФОМ. 07.11.3017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 25.03.2024).

благодаря сильной централизованной власти, опирающейся на единство всего народа. Соответственно, идейное наследие «проигравших» в той войне меньшевистских сил, как право-консервативных «белых», так и лево-демократических (меньшевиков, эсеров, народных социалистов и т.д.) — репрезентируется в официальном историческом и политическом дискурсах крайне слабо.

Как мы уже говорили, история русских социалистов, оппонентов большевиков, детально изученная и описанная профессиональными историками, в коллективной памяти закрепились лишь в виде деформированных фрагментов. Для поколения XXI века трагедия гибели Российской Империи и появления на карте мира «новой исторической общности» — советского народа исчерпывается политическим противостоянием «белых» и «красных», несмотря на то, что реальная политическая картина того времени была гораздо сложнее и красочней.

Примечательно, что влияние стереотипов советского подхода к истории антибольшевистского сопротивления можно обнаружить и в независимых российских медиа. Например, YouTube-канал «Редакция» не так давно выпустил документальный фильм о русской эмиграции первой волны под названием «Белоэмигранты», хотя лишь малую часть сюжетов и героев фильма можно отнести непосредственно к белой эмиграции.

Таким образом, мы видим, что единожды уничтоженная память сообществ о прошлом не восстанавливается по желанию потомков и политических реконструкторов. А огромное политическое и историческое наследие противников большевизма привлекает внимание в основном специалистов и энтузиастов — любителей истории, но не широкую публику.

Кстати, если сравнить ответы респондентов на вопрос о том, какую сторону они бы поддержали в революционных событиях, то в опросе 2012 г. ответы распределились так: за красных — 26%; за белых — 5%. В опросе 2017 г.: за красных — 32%, за белых — 7%. За 5 лет прирост симпатизантов белых составил всего 2%, а красных — 6%. Процент не пожелавших поддержать ни одну из сторон за тот же период практически не изменился: 2012 — 20%; 2017 — 21%.

О причинах победы большевиков и утверждения в обществе их идеологических представлений мнения респондентов не показывают какого-то многообразия оценок. В основном, идёт трансляция типичных шаблонов, взятых из советской историографии: Ленин победил, опираясь на массовую поддержку рабочих и крестьян (53% опрошенных); большевистский террор стал причиной победы «на штыках и крови» (16% респондентов)⁶.

Одновременно в коллективных представлениях о роли России в мировой политике отчётливо прослеживается идеологический постулат об «особом пути» русской цивилизации, о великом призвании россиян спасти «братские народы» от гибели и духовного разложения, о стремлении западных элит нанести ущерб нашему политическому суверенитету. Подобные утверждения звучат в публичных выступлениях высокопоставленных государственных деятелей.

Заключение. Стремление сгладить острые и травматичные вопросы новейшей истории стимулировало желание элиты «подправить» неприятные события прошлого. Совмещение советской историографии с имперским культур-

⁶ 1917–2017. Память о революции : Инфографика // ФОМ. 07.11.3017. URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839> (дата обращения: 25.03.2024).

но-историческим дискурсом породило ещё одно противоречие. Несмотря на то, что вписать в исторический континуитет большевиков-разрушителей империи и их идейных противников крайне сложно, именно это мы и видим сегодня. В интерпретации событий до Октябрьского переворота, большевики, как и все представители революционного движения, — террористы, государственные преступники, продавшиеся немцам; после Октябрьского переворота большевики — строители великой новой страны СССР, защитники целостности государства, порядка и стабильности, борцы за социальную справедливость во всем мире.

Такая работа с исторической памятью способствует укреплению советского нарратива в коллективном сознании современных россиян. Не последнюю роль в процессе «отбора» исторических сюжетов для современного государственного нарратива играет фактор ретравматизации общественного сознания. Непредвзятый взгляд на русскую историю XX века чреват острыми травматическими переживаниями: Гражданская война, революция, периоды массового голода (1921–22; 1930-е; 1946), две мировые войны, политические репрессии, затронувшие целые классы и социальные группы. Коллективное сознание стремится вытеснить травмирующие события, чтобы сформировать позитивную национальную идентичность. В такой ситуации психологически комфортней принять версию истории победителей.

В заключение следует отметить, что «трудная история» России XX века остаётся яблоком раздора между политическими группами и сообществами. Пока рано говорить об общем историческом нарративе, признанном всеми субъектами российского общества. Осколки памяти превращаются в политическое оружие, которое используют стороны в своих «войнах памяти». Кроме того, дефицит целостной коллективной памяти о революции и последующей эпохе способствует упрощению современных исторических интерпретаций.

Гибридный и выборочный характер современного государственно-исторического нарратива, из которого «выпали» большие части нашей истории может стать фактором дальнейшей фрагментации общественных представлений о революции 1917 г. и политических перспективах в ходе Гражданской войны.

Разрывы в ткани российской исторической памяти сшиваются с помощью вычленения из закрепившихся пластов коллективной памяти тех элементов, которые объединяют нацию. Для этого нет необходимости избегать острых и конфликтных тем в отечественной истории революции и Гражданской войны. Напротив, имеет смысл выстраивать новое восприятие трагических событий прошлого с позиции непрерывного общественного развития, в процессе которого происходит переосмысление прошлого в контексте актуального времени.

Самые болезненные и конфликтные темы становятся источником самообновления общества и основой для реальной гражданской консолидации, если они проговорены и заново осмыслены различными социальными группами. В конфликтах памяти проявляются страхи, фобии и стереотипы, характерные для современного российского общества.

Тем не менее, российское общество, как живой и функционирующий социальный организм «закживляет» исторические раны забвением отдельных событий, или переосмыслением их. А современные российские элиты конструируют новый исторический нарратив, довольно эклектичный и противоречивый. Однако в этом нарративе не оказалось места для той части идейного наследия, которое представляет демократическую альтернативу советскому политическому проекту.

Библиографический список

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 346 с. ISBN 978-5-98379-088-9. EDN [QXSOXF](#).
2. Олик Д. Фигурация памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 1. С. 40–74. EDN [OZNZWZ](#).
3. Olick J. K. The sins of the fathers: Germany, memory, method. Chicago : University of Chicago Press, 2016. 496 p. ISBN: 9780226386492.
4. Irwin-Zarecka I. Frames of remembrance: the dynamics of collective memory. New York : Routledge, 2017. 214 p. DOI [10.4324/9780203791592](#).
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. ISBN 5-94457-176-4.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
7. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с. ISBN 978-5-4448-1151-1.
8. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 232 с. ISBN 978-5-4448-1959-3.
9. Историческая политика в XXI веке : сб. ст. / Под ред. А. Миллера и М. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 648 с. ISBN 978-5-86793-968-7. EDN [PWAQOH](#).
10. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. М. : Нестор-История, 2018. 224 с. ISBN 978-5-4469-1459-3. EDN [YMWXMT](#).
11. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Д. А. Аникин, Е. А. Бабкина, С. И. Белов [и др.]. СПб : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с. ISBN 978-5-94380-289-8. EDN [PRNXGI](#).
12. Наумов Д. И. Социальная память в контексте процессов реляционной методологии исследования // Теология. Философия. Право. 2018. № 2(6). С. 49–59. EDN [XVZKYX](#).
13. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 640 с. ISBN 978-5-901574-96-6.
14. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5(141). С. 40–67. EDN [ZCJHSD](#).
15. Giesen B. Triumph and trauma. New York : Routledge, 2004. 206 p. DOI [10.4324/9781315631455](#).
16. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969. С. 186–224.
17. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. О некоторых моментах современного исторического воспитания и формирования русской самоидентичности // Власть. 2011. № 1. С. 85–88. EDN [NCNAUL](#).
18. Растиmeshина Т. В. Культурное наследие церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5(17). С. 76–84. EDN [PMBKID](#).
19. Ахременко Д. А. Украинский институт национальной памяти: против национальной памяти? // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2015. № 1(1). С. 3–9. EDN [ZRMYWJ](#).
20. Кирчанов М. В. «Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 17–26. DOI [10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26](#). EDN [RWMEKD](#).
21. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы её формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6(361). С. 132–137. EDN [UGVVVE](#).
22. Баранов А. В. Память о Гражданской войне в коллективных представлениях российского общества // Перспективы. 2022. № 2(29). С. 109–115. DOI [10.32726/2411-3417-2022-2-109-115](#). EDN [WQHHVO](#).

23. *Суслов А. Ю.* Эсеры и меньшевики в историческом сознании российского общества: эволюция образа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3. С. 15–19. EDN [NBGIFL](#).
24. *Туманов А. И.* Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 3. С. 35–49. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.4](#). EDN [AKUOVR](#).
- Поступила: 25.03.2024. Доработана: 20.05.2024. Принята: 27.05.2024.

Сведения об авторах:

Голосеева Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

goloseyeva@gmail.com

Author ID РИНЦ: [299605](#)

Хохлов Андрей Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий социологического факультета

РГГУ. Москва, Россия. i@akoklov.ru

Author ID РИНЦ: [201741](#)

A. A. Goloseyeva¹, A. A. Khokhlov²

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

²Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia

IN THE LABYRINTH OF IDEOLOGICAL SEARCH: WAYS TO CONSTRUCT A MEMORY OF AN UNCOMFORTABLE PAST (ON EXAMPLE OF EVENTS OF THE 1917 REVOLUTION AND THE CIVIL WAR)

Abstract. This article is devoted to the problem of constructing a collective memory of the “inconvenient past” by modern elites of Russia on the example of the events of the 1917 revolution and the subsequent civil war. The conflict aspects of commemoration (installation of monuments and memorial signs) in the process of constructing an official historical narrative are considered. Considered changes in the official historical narrative regarding the “difficult past” in different periods of time.

The preservation of historical memory largely depends on the political objectives of the current government, which not only supports collective memory through various commemorative practices, but also constructs a modern historical narrative. This narrative does not imply the restoration of Soviet historiography; it combines a variety of interpretations of the events of the Revolution and the Civil War in the context of building the historical continuity of Russian statehood. Therefore, the images of some Soviet figures coexist with the figures of their opponents, forming ideas among the mass audience about patriotic service to the Russian state, regardless of ideological and political views.

The “lost memory” is not being restored; current generations of Russians have not accepted the political experience of supporters of democratic socialism, who rejected Bolshevism and did not support the “white movement” in the civil war. The attitude towards the losers in the fight against the Bolsheviks today is negative, as towards weak and incapable politicians. Considering historical memory as an integral part of collective memory, it is concluded that only those events of the past that are perceived by society as extremely useful for modern generations are integrated into the structure of collective consciousness. In addition, the inertia of public consciousness affects the “selection of event material”. For this reason, during the entire post-Soviet period, it was not possible to completely replace the former Soviet ideological clichés with a new historical narrative.

Keywords: historical memory, collective memory, historical narrative, revolution of 1917, civil war, wars of memory, commemoration, memorial policy

For citation: Goloseyeva A. A., Khokhlov A. A. In the labyrinth of ideological search: ways to construct a memory of an uncomfortable past (on example of events of the 1917 Revolution and the Civil War). *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):26–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.2>

References

1. Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Moscow: Novoye izdatelstvo; 2007. (In Russ.) ISBN 978-5-98379-088-9.
2. Olik J. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. *Russian Sociological Review*. 2012;11(1):40–74. (In Russ.).
3. Olick J. K. The sins of the fathers: Germany, memory, method. Chicago: University of Chicago Press; 2016. ISBN 9780226386492.
4. Irwin-Zarecka I. Frames of remembrance: the dynamics of collective memory. New York: Routledge; 2017. DOI [10.4324/9780203791592](https://doi.org/10.4324/9780203791592).
5. Assman J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2004. (In Russ.). ISBN 5-94457-176-4.
6. Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0146-8.
7. Assman A. Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1151-1.
8. Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-1959-3.
9. Miller A., Lipman M. (eds). Historical politics in the 21st century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2012. (In Russ.). ISBN 978-5-86793-968-7.
10. Miller A. I., Efremenko D. V. (eds). Methodological issues of studying memory policy. Moscow: Nestor-Istoriya; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1459-3.
11. Anikin D. A., Babkina E. A., Belov S. I. [et al.]. The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe. St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-94380-289-8.
12. Naumov D. I. Social memory in the context of a process-relational methodology of research. *Theology, Philosophy, Law*. 2018;(2):49–58. (In Russ.).
13. Alexander J. The Meanings of social life: A cultural sociology. Moscow: Praxis; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-96-6.
14. Eyerman R. Cultural trauma and collective memory. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016;(6):5–47. (In Russ.).
15. Giesen B. Triumph and trauma. New York: Routledge; 2004. DOI [10.4324/9781315631455](https://doi.org/10.4324/9781315631455).
16. Levada Yu. A. Historical consciousness and scientific method. In: Philosophical problems of historical science. Moscow: Nauka; 1969. P. 186–224. (In Russ.).
17. Vasilyev A. A., Solovyev V. Yu. On some aspects of modern historical education and the formation of Russian self-identity. *Vlast'*. 2011;(1):85–88. (In Russ.).
18. Rastimeshina T. V. The cultural heritage of the Church in the presentation of the Great-power model of history and the image of the “people’s monarchy” in modern Russia. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*. 2012;(5):76–84. (In Russ.).
19. Ahremenko D. A. Ukrainian Institute of National Memory: against national memory? *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*. 2015;(1):3–8. (In Russ.).
20. Kirchanov M. V. «Institutions of memory» in the Czech Republic and Slovakia and the formation of the Second World War images. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2022;28(2):17–26. (In Russ.). DOI [10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-17-26).
21. Dmitrieva O. O. Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts in domestic science. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;(6):132–137. (In Russ.).
22. Baranov A. V. The Russian civil war in the collective memory of Russian society. *Perspectives*. 2022;(2):109–115. (In Russ.). DOI [10.32726/2411-3417-2022-2-109-115](https://doi.org/10.32726/2411-3417-2022-2-109-115).

23. Suslov A. J. Social revolutionaries and mensheviks in the history consciousness of the Russian society: evolution of the image. *Historical and Social-Educational Idea*. 2010;(3):15–19. (In Russ.).
24. Tumanov A. I. Role of national cinema in the formation of national identity. *Science. Culture. Society*. 2021;27(3):35–49. DOI [10.19181/nko.2021.27.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.3.4).

Received: 25.03.2024. Corrected: 20.05.2024. Accepted: 27.05.2024.

Information about the authors:

Anna A. Goloseyeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Political Science, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. goloseyeva@gmail.com

Andrey A. Khokhlov, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. i@akoklov.ru